

Дети — народ щедрый. Ребятня бережно съела по паре печений, а остальное завернула и припрятала в карманы, чтобы отнести домой и поделиться с братьями и сестрами.

У Гоуданя родных братьев не было, в их доме лакомство досталось только ему да Ван Сюаню. Остальные мальчишки лишь завистливо вздыхали:

— Эх, знал бы, тоже своих мелких с собой прихватил. Нам бы тогда в два раза больше отсыпали!

— Да твои мелкие совсем ещё пигалицы! — хмыкнул кто-то в ответ. — Попадись им по дороге лихой человек, они же и убежать не смогут, не то что на дерево залезть.

— Так я бы старшего брата позвал! Он у меня по деревьям как обезьяна скачет!

Жалея об упущенной выгоде, дети быстро позабыли о недавнем пережитом страхе. В этом и кроется прелесть ребячества: пока взрослые изводят себя тревогами, дети радуются малому.

У въезда в деревню всюду кипела жизнь. Малышня резалась в стеклянные шарики, прыгала через скакалку, играла в камешки и чертила на земле классики. Возле домов, устроившись в прохладной тени, сидели старики: кто-то плел бамбуковые корзины, а кто-то лениво выковыривал в швах рубах блох.

Некоторые мальчишки из их компании сразу же бросились к своим братьям и сестрам, чтобы похвастаться добычей, другие же, понаходчивее, молча уволокли мелких домой и делили сладости за закрытыми дверями. В поход они отправились в полдень, перенесли столько потрясений, так что вернулись в деревню уже к сумеркам.

Впрочем, дома их никто не искал и не порол. В деревне привыкли, что детвора пропадает на улице целыми днями. Главное — чтобы к темноте возвращались. Если не приходят обедать, значит, нашли подножный корм. Семье только легче — чистая экономия зерна.

— На, дед, держи.

Гоудань подошел к деду, который сидел на завалинке, почесывая бок под засаленной рубахой и дымя самокруткой. Мальчик сам не знал, что им двинуло, но он просто выгреб из кармана несколько конфет и протянул старику. Раньше они почти не общались, жили как чужие люди в одном дворе.

Старик Ли замер, медленно вытащил костлявую руку из-за шивороты и уставился на ладонь внука.

— Ох...

На его сморщенном лице проступило подобие улыбки. Правда, из-за глубоких морщин и вечно хмурого вида эта улыбка больше походила на горькую усмешку.

— Это откуда у тебя, Гоудань?

— Тебе-то что? Дают — бери и ешь.

— Да у меня и зубов-то не осталось, — прошамкал старик, пряча конфеты в глубокий, засаленный до блеска карман старого пиджака. — Отдам твоей бабке, пусть Цзиньбао с Иньбао разделят.

Гоудань чуть не вырвал сладости обратно.

— Тебе есть велели, а не прятать! — в сердцах прикрикнул он. — Нет зубов — соси, делов-то! А бабке твоей шиш на постном масле, а не конфеты!

"С какой стати я должен баловать этих лоботрясов? — зло подумал мальчик. — Я от дядьёв за всю жизнь ни рисинки, ни конфетки не дождался, а дед мои гостинцы им несёт! Всё, больше ни одной сласти от меня не получит!"

Ван Сюань вовремя увёл друга за рукав. Старик Ли так и остался сидеть в недоумении: надо же, внук впервые к нему по-человечески обратился, а теперь опять злится.

Соседский старик, сидевший рядом, только головой покачал:

— Ну ты и пень замшелый. Сказал бы просто, что дома съешь. Парень-то у тебя неплохой растёт. Много твоих внуков тебе хоть кусок сухой корки приносили? Мои обормоты только и думают, как бы у меня из тарелки последнее утащить.

Старик Ли ничего не ответил. Он молча принялся вылавливать в швах рубахи блох, с треском раздавливая их ногтями. Старики в деревне только этим на досуге и занимались. Те, у кого глаза совсем ослепли, просто брали одежду в рот и методично прокусывали швы зубами, лопая притаившихся там паразитов и их яйца.

По дороге домой Гоудань всё никак не мог успокоиться, сокрушаясь о потраченных впустую конфетах.

"Только попробуют эти нахлебники, Цзиньбао с Иньбао, притронуться к моим сладостям — все оставшиеся зубы им повышибаю!"

Эти два кузена при виде Гоуданя теперь сразу пускались наутек. Старая госпожа Ли души в них не чаяла, постоянно нахваливая их «сытый и благородный» вид. Вот только Гоудань за последний год сильно вытянулся, обогнав своих изнеженных братьев на целую голову. Кузены на его фоне казались бледными паровыми пышками, в то время как сам Гоудань напоминал

поджаристую, сухую хворостину — тонкую, но крепкую.

На следующий день Гоуданя и Ван Сюаня выставили из класса. Им велели стоять под окнами и не сметь заходить в кабинет. За что? Да без всякой на то причины. За прогулы так сурово не наказывали — деревенская школа вообще была местом вольным. Захотел — пришёл, не захотел — остался дома помогать родителям. Отец с матерью порой поучили хворостиной для острастки, да и махнули рукой. Рано или поздно дети всё равно бросали учёбу, поэтому в старших классах учеников всегда оставалось раз-два и обчёлся. Учителя к этому давно привыкли.

Родители не видели в грамоте особого толку. Ну отучится оболтус год-другой, посидит за партой ради приличия, а дальше что? В город без прописки всё равно не пустят, так чего штаны протирать, когда пора в поле выходить? Вот дети и учились спустя рукава: по дороге в школу завернут в лес за ягодами, придут к шапочному разбору, а после уроков ещё полдня домой плетутся. Учеба была делом десятым, совсем не такой, как в более поздние времена.

Гоудань стоять смирно не собирался. Он привалился спиной к глинобитной стене, закинув руки за голову. Из окна доносился яростный крик учителя Чэня. Сорокалетний мужчина брызгал слюной у занозанной кафедры, распекая то ли конкретно Гоуданя, то ли всю деревенскую жизнь в целом. Ему только дай волю поворчать. Доброго слова от него отродясь не слышали, а ученики в классе сидели тише воды, ниже травы — никому не хотелось получить по шее или схлопотать затрещину.

— И не смейте брать с него пример! — надрывался учитель. — Пустое место, выродок без роду и племени! Сразу видно, ничего путного из этой дряни не вырастет!

— Такие подонки только тюрьмы заселяют! Вырастут — пойдут грабить да по подворотням шастать, а кончат у расстрельной стены! Эй, ты куда вылупился? Тоже вон из класса!

— Сброд подворотный! Знаете, кто такие бандиты? Это...

Начав с Гоуданя, учитель вскоре увлёкся собственным красноречием и ушёл в такие дебри, что половину слов составляли сочные ругательства, поминающие чью-то мать.

Гоудань искренне не понимал: если этот хрыч так ненавидит детей и так любит чесать языком, какого черта он забыл в школе?

Но в его памяти школа всегда оставалась именно такой. Из всей недели по-настоящему учили от силы дня два, да и то если повезёт. Гоудань не знал, как обстоят дела в уезде — там он был лишь мельком, — но здешние уроки были сущим наказанием.

Ван Сюань, в отличие от друга, попусту воздух не сотрясал. Раз уж выставили за дверь — он стоял смирно, прикрыв глаза, и мысленно повторял пройденное или заучивал лекарственные рецепты. Его разум никогда не бездельничал.

Врачевание требовало бездумного на первый взгляд заучивания. Сначала нужно было намертво вбить знания в голову, а понимание приходило позже. Ван Сюань порой даже не знал, как пишутся некоторые иероглифы в старинных рецептах, но безошибочно воспроизводил их названия по памяти — так, как слово в слово читал ему настоятель, объясняя свойства и силу каждой травинки.

Для этого требовалась поистине исключительная память. Гоудань тоже был сообразительным малым, но у него не хватало терпения зубрить бесконечные трактаты — вся эта книжная премудрость казалась ему невыносимо скучной. Ван Сюань, в свою очередь, недоумевал, как Гоудань может часами отрабатывать одни и те же боевые приемы, пока руки не перестанут подниматься от усталости.

Настоятель храма, пусть от него и осталась лишь угасающая душа, отлично понимал природу каждого из мальчишек. Он разделил наследие так, чтобы каждый получил то, к чему лежало сердце, и не неволил их учить то, что не давалось.

Поскольку на улице стояли не только они двое, но и штрафники из других классов, вскоре под окнами начался шумок. Самые смелые принялись бегать друг за другом. Учитель пару раз прикрикнул из окна, наводя временный порядок, но стоило ему отвернуться, как возня возобновилась.

Гоудань скосил глаза на окно. Учитель Чэнь продолжал бубнить уже половину урока.

— Учитель! — вдруг громко крикнул Гоудань, прижав руку к животу. — Мне до ветру надо! Приспичило!

— Какое тебе до ветру, сукин ты сын! Стой смирно, мать твою! — рявкнул учитель, высунувшись наружу.

— Учитель, мочи нет терпеть! Сейчас прямо тут рванет!

Рассвирепевший учитель Чэнь выскочил на крыльцо, намереваясь отвесить наглецу пинка, но Гоудань ловко увернулся. Учитель затрясся от злости, его лицо пошло багровыми пятнами.

— Ах ты дрянь! Давай, гадь прямо здесь, если смелости хватит! Ну же!

Учитель не успел договорить, как Гоудань без лишних слов приспустил штаны и присел на корточки.

Ван Сюань обомлел. Он во все глаза уставился на друга, затаив дыхание. Неужели тот действительно решится на такое прямо посреди школьного двора?!

Учитель Чэнь от такой наглости едва не лишился чувств.

— Пошел вон! — взвизгнул он, брызжа слюной. — Проваливай с глаз моих, паршивец! Чтоб духу твоего здесь не было!

Гоудань мигом натянул штаны и, схватив опешившего Ван Сюаня за руку, потащил его прочь. Ван Сюань всё ещё пребывал в глубоком шоке. Ему казалось, что ладонь Гоуданя, державшая его руку, подозрительно... пахнет. Но Гоудань лишь подмигнул их приятелю Цичжи, давая понять, чтобы тот прихватил их вещи, и припустил к лесу.

Для пущей убедительности он бежал вприпрыжку, забавно держась за задницу, будто и впрямь едва сдерживал бурю.

Они скрылись в зарослях, оставив позади школу, где разъярённый учитель Чэнь продолжал распекать учеников до самого звонка на перемену. С первым же ударом колокола дети с диким ревом высыпали во двор, точно стадо голодных овец, и новость о том, как Гоудань едва не наложил в штаны прямо перед учителем, мгновенно разлетелась по всей округе.

Как только деревья скрыли их от чужих глаз, Гоудань перешел на обычный шаг. Ван Сюань тут же безглаголиво отпрянул в сторону.

— Гоудань-гэ... У тебя правда живот прихватило?

— Да разыграл я его!

— Ну ты даешь... — Ван Сюань облегченно выдохнул. — Я ведь испугался, что ты прямо там кучу наложишь.

— А смысл там торчать? Стал бы ты прохлаждаться на солнцепеке два урока подряд? Сегодня у него и математика, и уроки идеологии и нравственности. Мы бы до самого обеда там окаменели.

— Но как же наши вещи? Ранцы-то там остались.

— Я Цичжи знак подал, он принесет. Или после уроков заберем, делов-то.

Так, благодаря спасительной «медвежьей болезни», Гоудань избавился от скучных занятий.

Он принялся весело скакать между деревьями, тренируя силу ног — пожалуй, это было единственное занятие, к которому он проявлял хоть какое-то усердие. Ван Сюань попрыгал с ним за компанию, но быстро выдохся, уселся на поваленный ствол и уткнулся в свои мысленные списки с рецептами.

Врачевание требовало бездумного на первый взгляд заучивания. Сначала нужно было намертво вбить знания в голову, а понимание приходило позже. Ван Сюань порой даже не

знал, как пишутся некоторые иероглифы в старинных рецептах, но безошибочно воспроизводил их названия по памяти — так, как слово в слово читал ему настоятель, объясняя свойства и силу каждой травинки.

Для этого требовалась поистине исключительная память. Гоудань тоже был сообразительным малым, но у него не хватало терпения зубрить бесконечные трактаты — вся эта книжная премудрость казалась ему невыносимо скучной. Ван Сюань, в свою очередь, недоумевал, как Гоудань может часами отрабатывать одни и те же боевые приемы, пока руки не перестанут подниматься от усталости.

Настоятель храма, пусть от него и осталась лишь угасающая душа, отлично понимал природу каждого из мальчишек. Он разделил наследие так, чтобы каждый получил то, к чему лежало сердце, и не nevoлил их учить то, что не давалось.

<http://bllate.org/book/19654/1996720>